

Об извращениях при проведении национальной политики

КОММУНИСТ 1926 № 23–24
1927 № 1

Съезд рекомендует членам партии в качестве практических мер добиться того, чтобы... с) были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное национальное население и национальные меньшинства, — законы преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав и в особенности прав национальных меньшинств.

Резолюция XII съезда партии по докладу т. Сталина.

1. Общая постановка

«Уж сколько раз твердили миру», что есть разница между развитием национальной культуры какого-либо народа и национальным насилием над другим народом или над частью того же самого. Что извращение советской национальной политики в сторону насильственности является злейшим врагом здорового советского строительства. Что язык является не самоцелью безотносительно к желанию населения, а средством. Что насилие над языком трудовых масс неизбежно вызывает рост шовинизма с обеих сторон и тем самым должно приводить к определенно контрреволюционным последствиям. Что под прикрытием сверхусердного сверхпроведения искаженной в сторону насильственности национально-культурной политики в наши ряды и в наш аппарат вносятся, таким образом, вообще элементы разложения как объективные, так и субъективные. И так далее. И тем не менее все еще не особенно редко встречаются обоснованные жалобы на несоменные извращения в этом отношении. Редакцией «Правды» передан мне ряд соответственных материалов, из которых ниже приведены некоторые типичные случаи.

ЛАРИН Юрий (Лурье Михаил Залманович) (1882—1932) — партийный и государственный деятель, революционер. Член РСДРП с 1900 года, меньшевик (до 1917), позднее — большевик, арестовывался властями (1903, 1913), ссылался, бежал из ссылок, участник революций 1905—1907 и 1917 годов; член Президиума ВСНХ (с декабря 1917), один из создателей и член Президиума Госплана СССР (с 1921); автор ряда трудов по экономике; один из инициаторов создания и председатель Общественного комитета по земельному устройству еврейских трудящихся, ставившего своей задачей организацию сельскохозяйственных еврейских поселений в Крыму, один из инициаторов кампании против антисемитизма в СССР (1926—1931).

До сих пор партийное противодействие таким извращениям сводилось к исправлению отдельных случаев искривлений, поскольку они привлекали внимание к пропаганде правильных взглядов и к принятию общедирективных резолюций (напр., последним, третьим, Съездом Советов СССР). Кое-что существенное достигнуто и этими методами, но, по-видимому, они недостаточны. От «уговаривания» надо перейти, очевидно, к «употреблению власти», партийной и советской, против продолжения подобных извращений национальной политики, которые в конечном счете могут обойтись нам слишком дорого и недопустимы для нас вообще. Это предусмотрено резолюцией XII съезда нашей партии, принятой 23 апреля 1923 г. по докладу тов. Сталина и приведенной в заголовке.

2. Принудительная евреизация

В одесских «Известиях» от 27 июля 1926 года под названием «Перевести работу на родной язык» за подписью «Хотимлянский» напечатана следующая заметка:

«Райком ЛКСМ задался целью перевести на еврейский язык работу комсомольской ячейки 1-й госконсервной фабрики. В течение года несколько раз вызывали секретаря ячейки, предлагали евреизировать всю работу, тот бился, бился, но ничего из этого не выходило. А между тем вопрос этот, несомненно, требует своего разрешения. В ячейке огромное большинство членов — евреи, но они совершенно не умеют ни читать, ни писать по-еврейски, даже говорят плохо. Актив ячейки не владеет своим родным языком. Вся работа ведется на русском языке. Райкому ЛКСМ необходимо учесть национальный состав ячейки и принять меры к переводу ее работы на еврейский язык».

Эта типичная заметка чрезвычайно характерна по выраженному в ней мировоззрению. И автор и райком ЛКСМ, по-видимому, искренне полагают, что родной язык — это тот, которого не понимают. Среди людей (в том числе комсомольцев) надо вести общественную работу на том языке, какой им понятен. Иначе им не принесут пользы газеты, которых нельзя прочесть, писанные циркуляры, остающиеся недоступными, и устные доклады, содержание которых не разгадано. Но мировоззрение райкома ЛКСМ лучше готово принести вред агитации, пропаганде и всей общественной работе, лишь бы лишить этих евреев права употреблять русский язык.

Через язык люди связываются с культурой своего класса и со всей мировой культурой. Еврейские рабочие 1-й госконсервной фабрики, как сообщают одесские «Известия» в этой заметке, связаны с культурой через русский язык. На другом не умеют ни читать, ни писать. Они являются людьми русской культуры, хотя еврейской национальности. Но райком ЛКСМ в определении принадлежности человека к русской или к еврейской культуре руководится не современным фактом, а религиозными верованиями предков. Не то важно, какой язык понимает данный человек, на каком ему легче общиться к общественной жизни, — а то важно, что сказано было в царском паспорте папеньки и маменьки нынешнего комсомольца, когда они родили его — вера в православного Христа или в иудейского Иегову.

Эта принудительная «евреизация» не знающих еврейского языка людей (евреев по национальности) особенно много справедливых жалоб вызывает, когда распространяется на школы. Здесь ко всему прочему присоеди-

няется еще отставание в ученье вследствие трудности усвоить науку на малопонятном языке («родном» по определению райкома ЛКСМ и подобных по настроению органов). В «Правде» мы приводили уже подобный пример (после чего в данном городе дело было исправлено, но поступает ряд таких же сообщений из других мест).

Корни принудительной евреизации двояки. Во-первых — шовинистическое русофобство. Во-вторых — направленный против «конкурентов» антисемитизм. Совершенно подчиненную роль играет встречающееся кое-где «усердие не по разуму» отдельных еврейских коммунистов, ведущих специальную еврейскую работу и в стремлении расширить ее впадающих иногда в своеобразную «еврейскую петлюровщину». Серьезнее обстоит дело с двумя другими истоками принудительной евреизации.

Зоологическое русофобство, — литературным примером которого могут служить статьи Хвильового «Прочь от Москвы» и др., подвергаемые критике тов. Скрыпником в № 1 «Украинского Большевика» за 1926 год, — существует не только в литературе. Отчасти оно является некритическим перенесением на русский народ ненависти, какую вызывал к себе со стороны угнетенных наций русский царизм. Но в гораздо большей мере культивирование его является нарочитым средством со стороны скрыто-контрреволюционных элементов для ослабления советской власти путем наивозможно большего враждебного обособления отдельных входящих в СССР народов. На этой почве им легче пытаться группировать и вести за собой малосознательных патриотов своей нации, склонных видеть в них лишь более усердных, более увлекающихся проповедников своей национальной культуры. А фактически и объективно дело сводится к подрывной работе против советской системы в целом, с выбором для этой работы наименее защищенного места. В таких молодых по советской национальной культурной работе государствах, как, например, Украина, самый состав обслуживающего культурную работу государственного аппарата неизбежно рекрутируется в известной мере из членов бывших буржуазных националистических шовинистических партий, из лиц, сочувствовавших в свое время петлюровцам и т. п. Это, понятно, облегчает появление соответственных извращений. Поскольку мы не можем еще весь аппарат культурной работы составить из надежно воспитанных партийных людей, — и очень долго еще не сможем, — постольку необходимо особое внимание к решительному и быстрому устранению обнаруживаемых извращений вмешательством сверху. Ни одна соответственная жалоба снизу не должна оставаться без внимательного расследования, раз объективно в жизни есть некоторые предпосылки для возникновения таких извращений.

Русофобская (противорусская) мысль в основе принудительной евреизации знающих русский язык и желающих пользоваться русским языком евреев очень проста: раз они не говорят по-украински, то не давать им, по крайней мере, пользоваться русским языком — пусть переходят на еврейский или, если тогда сами предпочтут, на украинский. Искоренить в городах Украины русскую речь путем принудительного отлучения от нее евреев, составляющих там весьма крупную часть городского населения, привыкших к ней и желающих употреблять ее и дальше, — вот объективный смысл принудительной евреизации тех евреев, которые «совершенно не умеют ни читать, ни писать по-еврейски, даже говорят плохо».

Вторым моментом является стремление мелкобуржуазных торговых, ремесленных и служилых элементов ослабить конкурента. Еврейский торговец, еврейский ремесленник, еврейский служащий, поскольку он говорит по-русски — понятен всему городскому и большинству сельского населения Украины. Если же еврейских детей с детства принудительно учить в школах на еврейском языке, общественную работу в комсомоле и т. д., «учтя национальный состав ячейки» (по выражению райкома ЛКСМ), перевести на еврейский язык и пр., — то будущий еврейский ремесленник, торговец (кооперативный) и чиновник не сможет объясняться с подавляющим большинством населения Украины. Принудительно евреизировать на Украине, в Белоруссии или в РСФСР говорящую теперь по-русски часть евреев — значит в значительной мере избавиться от них как от конкурентов в деле обслуживания города и деревни ремеслом, торговлей и общественной службой. Этим, кстати сказать, и объясняется резкий характер протестов еврейского населения против случаев его принудительной евреизации. Оно прекрасно понимает, что с одним еврейским языком далеко не уйдешь даже в хозяйстве, не говоря уже о науке. Само собой, что так как для евреев по их малочисленности нельзя создать на еврейском языке, например, вузов всех видов, какие существуют на русском и украинском языке (и перевести всю научную литературу), то принудительная евреизация еврейских детей, пионеров и комсомола означает отрезывание еврейским трудящимся в будущем возможности пользоваться вузами во всем их разнообразии наряду с русским и украинским населением. Этот момент воспринимается также крайне болезненно.

Такими путями своеобразное сочетание русофобства и антисемитизма превращается в принудительную евреизацию «не владеющих своим родным языком» евреев. Необходимость повсеместного устранения таких извращений бесспорна, и способы гарантии его на практике должны быть разработаны.

3. Принудительная украинизация профсоюзами

В материалах о различных проявлениях извращений в области национальной политики обращают на себя внимание данные, приведенные на заседании президиума ВЦСПС официальными докладчиками по вопросу о деятельности профсоюзов Украины. Мы цитируем эти доклады по отчету в «Труде» от 13 июня 1926 г.

Первый доклад делал председатель Укр. ЦСПС тов. Радченко. По интересующему нас вопросу он заявил: «Много места украинским союзам приходится уделять работе, связанной с украинизацией. Процент украинцев — работников профорганизаций — увеличился. Что касается членов союзов, то, по неточному учету, украинцев в профсоюзах насчитывается 49%, умеющих говорить по-украински имеется 17%, в настоящее время эта статистика уточняется. Точка зрения профорганизаций на дело украинизации сводится в общем к тому, что насильно никого нельзя украинизировать, но все работники госучреждений должны знать украинский язык».

Точка зрения профорганизаций, как видим, совершенно правильная. Инойо она и не может быть, раз на Украине всего одна шестая часть членов профсоюзов умеет говорить по-украински (даже по «неточной» статисти-

ке). Необходимо особенно подчеркнуть отличие национального состава профсоюзов от распределения их членов по употреблению ими того или иного языка. Еще недавно всю печать обошло телеграфное сообщение из Харькова, что на Украине среди членов профсоюзов почти половина — целых 49% — украинцы. Приводились данные по отдельным союзам, по группам и т. д. и не сообщалось лишь одно — что две трети этих украинцев не умеют говорить по-украински. Такую постановку осведомления агентством общественного мнения в связи с вопросом проведения национализации нельзя признать добросовестной. Когда речь идет о том, следует ли на деле всю работу профсоюзов на Украине переводить на украинский язык, то решающим является не то, у скольких человек фамилия оканчивается на «ко», а для скольких человек украинский язык является разговорным.

На этом пункте приходится настаивать тем энергичнее, что правильной точке зрения у украинских профсоюзов, к сожалению, соответствует расходящаяся с нею неправильная практика. В том же заседании президиума ВЦСПС был заслушан доклад особой комиссии ВЦСПС, обследовавшей округа с более 50% членов союзов Украины. Докладчик этой комиссии тов. Климовицкий «отметил ряд ненормальностей в национальной работе украинских профорганизаций. Так, например, даже в тех местностях (рудниках, предприятиях), где огромное большинство составляют рабочие русские, преимущественно Курской, Орловской губерний, — собрания ведутся на украинском языке» (цитирую по тому же № 134 «Труда»).

Здесь перед нами «ряд ненормальностей», проверенный на месте комиссией ВЦСПС, официально засвидетельствованный и никем не опровергнутый. Ниже мы приведем то вполне правильное объяснение, какое дали затем в этом же заседании президиума ВЦСПС работники профсоюзов такому кричащему расхождению между «точкой зрения» и практикой.

Если вспомнить, что вообще в профсоюзах Украины (даже по «неточной» статистике) только одна шестая часть членов умеет говорить по-украински, что значительная часть этой шестой приходится, понятно, на союзы деревенские, как работников земли и леса, как сахарников и т. п., то нельзя признать украинский язык нормальным языком ведения собраний, протоколов и печати — вообще в городских профсоюзах Украины. В городах и специально промышленных поселениях Украины (Донбасс) обычно говорит по-украински еще меньшая часть членов профсоюзов, чем по Украине в целом.

Конечно, эту часть, хотя она составляет менее 15%, надо обслуживать по-украински. Но из этого не следует, что остальным 85% допустимо навязывать на собраниях, в печати и в протоколах язык, на котором они не говорят. А насколько далеко на практике заходит насилие над языком, видно из того, что не только вообще, но даже на тех рудниках и предприятиях, где рабочие являются выходцами или пришельцами из Орловской губернии, — «собрания ведутся на украинском языке». Такой образ действия может быть назван — и по-русски, и по-украински, и по всякому — только насилием над языком.

Действовать так, означает отрывать массу от союза. Когда собрание ведется и доклад делается на непонятном (для пяти шестых членов) языке, тогда посещение собраний превращается в бюрократическую повинность. Не может быть при таких условиях действительного, непоказного оживления

профсоюзов, которого требует партия. Эта сторона дела имеет величайшую важность, и нельзя пройти мимо опасности вырождения профсоюзов в бюрократические организации без общественной самостоятельности членов. Эту опасность можно создать обязательным применением в их докладах и делопроизводстве языка, непонятного подавляющему большинству их членов в данной местности.

Во-вторых, — указанный комиссией ВЦСПС образ действий («ряд ненормальностей в национальной работе») ведет к понижению общего уровня культуры в рабочей среде. «Из грамотного меня сделали неграмотным», — пишет с Украины рабочий-металлист в переданном мне «Правдой» письме. Пятнадцать лет своей сознательной жизни, пишет этот пролетарий, я участвовал в партийных организациях на территории Украины, слушал доклады и выступал на собраниях, читал газету, живу среди русских же рабочих, и вдруг мы сразу перестали понимать доклады, газеты и т. д., «даже надписи в кино», — пишет он и спрашивает: «Разве это похоже на ленинскую национальную политику?» Нет, конечно, не похоже. По Ленину надо было устранить малейший след препятствия к развитию украинской культуры — это верно. Но никоим образом не следовало большое количество русских или говорящих только по-русски рабочих лишать возможности пользоваться русским языком при заслушивании докладов, в делопроизводстве своих организаций и т. д.

Такой «ряд ненормальностей» отрезывает этих рабочих от дальнейшего культурного и общественного развития, останавливает их на том уровне, какого они достигли, пока могли обслуживаться в общественной работе понятным им языком. А так как украинский язык на Украине не является разговорным для пяти шестых рабочего класса, то здесь мы будем стоять перед весьма серьезной проблемой, если охарактеризованная комиссией ВЦСПС практика не будет решительно искоренена, а получит дальнейшее распространение ввиду недостаточного внимания к этому делу и недостатка противодействия замеченным извращениям.

В-третьих, — принудительность в деле изменения языка не может дать у нас прочных результатов. Когда ответственные профессиональные работники сообщают, что некоторые местные профорганизации Украины ведут заседания своих органов на русском языке, а потом управдел или секретарь составляет протокол заседания на украинском языке на случай ревизии для проверки языка делопроизводства, то тут есть о чем подумать.

Поскольку преобладающая масса членов союзов не говорит по-украински — неизбежны такие попытки свести украинизацию к чему-то показному, неглубокому, к декорации. В подобных организациях украинский язык является для массы и актива предметом изучения или выученным, а не разговорным. Если в таких организациях его начинают применять даже на заседаниях, а не только в протоколах, то разговорным в быту, в мышлении, в повседневном товарищеском общении он от этого все-таки не делается. Люди знакомятся с украинским языком, но последствием является не украинизация, а раздражение против украинизации. А это раздражение подрывает основу под действительным ростом украинской культуры.

Раздражение является не вследствие обязательности ознакомления с украинским языком, а вследствие сопровождающего его одновременно принудительного устранения из общественного обихода русского языка

для людей, у которых именно русский является разговорным. Обязательность ознакомления с украинским языком деятелей профдвижения и всего рабочего класса на Украине несомненна. Не заботиться об этом — значило бы не заботиться о том, чтобы на Украине рабочий понимал крестьянина. Кроме того, знать украинский язык надо и для того, чтобы быть в силах обслужить ту одну шестую часть членов профсоюзов, для которой разговорным является украинский. Но из обязательности ознакомления на Украине с украинским языком никоим образом не вытекает перевод на украинский язык всей работы профсоюзов, их докладов, делопроизводства и т. д., ибо для подавляющей части их членов, по украинской же («неточной») статистике, украинский язык не является разговорным. Надо знать украинский язык, чтобы быть в силах связываться с крестьянами, с украинскими госорганами, с говорящей по-украински частью рабочих. Но отнюдь не затем, чтобы заставлять рабочих из Орловской губ. слушать доклады по-украински, а их профорганизации переводить свое внутреннее делопроизводство на неразговорный для них язык.

Между тем — и это четвертое отрицательное следствие установленного комиссией ВЦСПС «ряда ненормальностей» — между тем прибавление к необходимой обязательности изучения украинского языка еще совершенно ненормального устранения русского

Прибавление к необходимой обязательности изучения украинского языка еще совершенно ненормального устранения русского языка из общественной работы и жизни — искусственно сеет и усиленно выращивает на Украине ростки национализма и шовинизма.

языка из общественной работы и жизни — искусственно сеет и усиленно выращивает на Украине ростки великорусского национализма и шовинизма. Расходящиеся с Украины вести (вроде цитированного доклада комиссии ВЦСПС) и разъезжающиеся с Украины люди (вроде упомянутого рабочего, не пожелавшего «превратиться в неграмотного») разносят затем зародыши таких настроений и по РСФСР. Известно, что на московских заводах подавались записки: «Правда ли, что на Украине хотят на заводах рассчитать всех русских и заменить украинцами» и т. п. дикие измышления, подкрепляющиеся при расспросах ссылками на то, что такой-то знакомый рабочий на Украине выписал из Москвы «Бедноту», так как там «запретили» местную русскую газету, или прислал письмо с жалобами на устранение русского языка и т. д. Здесь мы имеем дело с явлением, которое, при всей ничтожности своих размеров в настоящее время, кроет в себе при дальнейшем развитии возможность серьезной трещины. Потому необходимы предупредительные меры уже в самом зародыше. Иначе сказать, надо провести в жизнь (и наблюдать за проведением), чтобы необходимая обязательность знакомства с украинским языком никоим образом не обращалась и не сопровождалась

установлением принудительной монополии украинского языка в тех аппаратах (профсоюзных, кооперативных, советских и др.), которые обслуживают население с неукраинским разговорным языком.

Кстати сказать, иногда общественному мнению сообщалось, будто на Украине заинтересованы в русском языке только «чиновники». Официальный доклад председателя ВУСПС кладет конец этой сказке, ибо прямо устанавливает, что на Украине умеет говорить по-украински лишь одна шестая часть пролетариата. И обследовательская комиссия ВЦСПС то же точно говорит о русских рабочих на рудниках и в предприятиях. Устранение русского языка из докладов и делопроизводства местных профорганизаций в тех случаях, где оно имеет место, именно эту часть населения заставляет себя чувствовать «гражданами второго разряда».

По какой же причине установленная комиссией ВЦСПС практика расходится с изложенной тов. Радченко правильной точкой зрения украинских профсоюзов? На это, отвечая на доклад комиссии, дал на том же заседании вполне правильный ответ видный профработник тов. Угаров. Цитирую по тому же отчету «Труда» № 134: «тов. Угаров отмечает, что в недочетах украинизации меньше всего виноваты ВУСПС и союзы: профорганизации вынуждены там идти в ногу с другими организациями и общими настроениями». Яснее нельзя сказать. Сюда и надо обратить внимание.

«Общие настроения» отнюдь не являются, конечно, настроениями тех пяти шестых рабочих и служащих Украины, которые не умеют говорить по-украински. Может быть, перехода профсоюзов на украинский язык, как на монопольный в ряде случаев, с полным устранением русского, требуют крестьяне и умеющая говорить по-украински одна шестая часть рабочих и служащих? Вряд ли, если судить по такому сообщению обследовавшей украинские организации на месте комиссии ВЦСПС: «В районах с украинским населением нередки случаи, когда украинцы просят вести собрания на русском языке, ибо язык собраний, докладов и т. п. обычно — не разговорный украинский, а литературный, так называемый галицийский, непонятный широким массам» («Труд» № 134 от 13 июня 1926 года).

Мы не собираемся входить здесь в изыскания о различии между языком Шевченко и «галицийским», а просто регистрируем это фактическое сообщение, поскольку отчет «Труда» о заседании президиума ВЦСПС не сообщает о дезавуировании доклада его комиссии ни самим президиумом ВЦСПС, ни представителями укосоюзов.

«Общие настроения» должны быть сведены ближайшим образом к настроениям тех «других организаций», с которыми «вынуждены идти в ногу» профорганизации Украины. Проще говоря, надо и пора сказать это прямо, — «недочеты украинизации» объясняются тем, что некоторые местные партийные и государственные органы перегнули палку.

Этот перегиб выразился, во-первых, в создании такой атмосферы украинизации, при которой считается возможным читать украинские доклады непонимающим их рабочим из Орловской губ. и при которой после заседания на русском языке местный профсоюз для отвода глаз составляет без надобности для себя украинский протокол.

Этот перегиб выразился, во-вторых, в отсутствии яркой, гласной и решительной борьбы против попыток навязывания не говорящей по-украински части населения устранения русского языка из общественной

жизни (от собраний на «рудниках и предприятиях» до языка надписей в кино).

Этот перегиб палки должен быть признан и исправлен, иначе рост украинской культуры будет сопровождаться ростом нежелательного отношения к ней со стороны русских рабочих и крестьян и политическим разложением пролетариата.

4. Перегибы национализации и режим экономии

Киевское областное отделение «Известий ЦИК и ВЦИК» за № 3629 пишет 2 июля 1926 года главной конторе «Известий» в Москву: «В связи с постановлением комиссии по украинизации, нам необходимо добавить вывески на украинском языке. Ввиду этого просим разрешить нам сверхсметный расход в сумме не менее 50 руб. Ввиду отсутствия до сих пор вывески на украинском языке, заведующий киевским отделением привлечен к уголовной ответственности» (прислано отд. распр. «Известий ЦИК» № 2181).

Сам по себе, взятый отдельно, факт может показаться мелким, дело идет о каких-то 50 рублях. Но фактов таких «сверхсметных расходов» масса — столько, сколько на Украине было вывесок не на украинском языке. Одно это постановление о вывесках означает накладной расход в миллионы рублей. Остановимся на его пользе и смысле.

На государственных учреждениях в пределах Украины обязательно должны быть вывески на украинском языке и, поскольку есть иноязычное население, еще на другом языке, наиболее распространенном в данной местности. Такова должна быть правильная линия. Было бы нелепо, если бы на жел.-дор. станции в пределах Украины крестьянин не мог бы понять надписи, на какую платформу надо идти и т. п. Но точно так же недопустимо воспрещать делать на госучреждениях Украины, параллельно с украинским, вывески, напр., на русском языке, ибо это там наиболее распространенный после украинского язык (а в некоторых местах еврейский, греческий, польский, немецкий и другие). Надо помнить, что на Украине в целом, считая вместе и город и деревню, около четверти населения не говорит по-украински. Разрешать вывески госучреждений, а равно афиши, надписи в кино и т. п. только на украинском языке значило бы топтать ногами права весьма значительной части населения (а в городах — большинства жителей). Почему в Одессе, где подавляющее большинство жителей говорит по-русски, а не по-украински — на почте вывеска «до востребования» — должна быть только по-украински и по-французски? Это установлено на Одесской почте в ноябре 1926 г. членом ЦКК нашей партии. Есть нечто кривое в такой манере украинизации.

Этим можно ограничиться о вывесках публично-правовых органов государства: здесь необходим и украинский язык и параллельный текст для неговорящего по-украински населения. Иной порядок недопустим для учреждений, в которые гражданин должен обращаться, как совет, суд, жел. дорога и т. д. Другое дело — такие учреждения, куда никто не обязан обращаться: парикмахерская, фотография, контора газеты и т. п. Сами эти учреждения заинтересованы в привлечении стригущихся, снимающихся, подписывающихся на газету и т. п. Потому, если интересы привлечения обслуживаемого населения этого требуют, — они прибьют вывеску не то что на украинском, а и на китайском языке. А если не требуют, то зачем заставлять выбрасывать

деньги на ветер? Мы заставляем все органы и предприятия во имя режима экономии сокращать расходы даже на такие заведомо полезные цели, как содержание рабочих домов отдыха, и передавать эти дома Цустраху. А здесь украинская власть заставляет увеличивать расходы, относящиеся к разряду ненужных для предприятия и учреждения. В самом деле, московские «Известия» печатаются на русском языке и могут иметь подписчиков, только читающих по-русски: во имя какого «принципа» следует обязывать их иметь еще украинскую вывеску на киевском отделении конторы? Это значит действовать не по лозунгу: «За режим экономии», а по язвительной «крокодилий» пародии: «Зарежь экономию».

Единственный смысл — создать внешнюю видимость, что Киев, Одесса, Харьков и т. п. центры — сплошь украинские по языку города. Но какая цена такой «потемкинской деревне», кроме поддержки исторической традиции Потемкина, как раз по Днепру на Украине создававшего для царицы Екатерины свои картонные декорации?

Перед нами издание Укрнаркомвнудела, под редакцией замнаркома т. Черлунчакевича, специально по вопросу о национальном районировании Украины.

Там приведены официальные украинские цифры, что в Днепропетровске и в Одессе меньше чем по пяти процентов украинцев, в Киеве меньше пятнадцати и т. д. Словом, в крупнейших городах Украины украинцы составляют лишь небольшое меньшинство. На каком же основании требовать тогда обязательных параллельных вывесок по-украински на таких предприятиях и учреждениях, куда никто не обязан ходить и которые обслуживают только это городское население? А между тем за невыполнение этого распоряжения о ненужном расточительстве, как мы видели, на Украине привлекают к уголовной ответственности. Повторяем: если кооперативная столовая или газета обслуживает говорящее по-украински население, то она такую повесит и вывеску, а если среди клиентов нет говорящих по-украински, то не к чему проводить и принудительную «украинизацию вывесок».

Гораздо лучше было бы для роста украинской культуры затратить на новые учебные книги на украинском языке, затратить на новые высшие, средние и прочие украинские школы те большие деньги, какие выбрасываются на ветер для показной «украинизации» путем принудительного изготовления вывесок с переводами на тех учреждениях и предприятиях, которые не имеют характера публично-правовых. Тратить деньги на улучшение украинских школ, на более широкое снабжение говорящего по-украински населения понятной ему литературой — это советский метод (способ) украинизации. А заставлять под угрозой уголовного суда производить ненужный расход на новую украинскую вывеску, обслуживающую отделение русской газеты, т. е. только читающих по-русски, это значит — слова из песни не выкинешь, — незаметно для себя скатываться к петлюровскому способу украинизации, т. е. к заботе не о росте культуры, а о внешности, о декорации. Такая декорация заслоняет действительно стоящую перед нами задачу содействия росту украинской культуры — видимостью, будто все уже украинизировано, будто задача разрешена. Получается двойной вред для дела развития украинской культуры: 1) отвлечение от него внимания к принудительному проведению внешнепоказных мер бюрократического благополучия (вывески,

афиши и т. п.), 2) возбуждение недовольства неукраинского населения против украинской культуры, как связанной с национальным обесправливанием (например, запрещение афиш на неукраинском языке) всего остального населения.

Принудительность в вопросе изучения украинского языка служащими соответствующих публично-правовых органов государства (судов, железных дорог и проч.) — не только не вредна, но необходима. Не могут и не должны быть терпимы служащие, которые не желают знать языка обслуживаемого ими населения. Наоборот, принудительность недопустима и вредна там и тогда, где она стесняет население в употреблении неукраинского языка или навязывает ему обязательно украинский (да еще под страхом уголовной кары). Поэтому госорганы обязаны отвечать на неукраинском языке на соответственные обращения из населения; не могут закреплять за украинским языком монополию в городских театрах и в деле афиш, надписей в кино и т. п.; не должны требовать украинского или только украинского делопроизводства в общественных организациях, в составе которых преобладают неговорящие по-украински члены и т. д. и т. п. Поэтому же должны быть пересмотрены и уточнены и существующие на Украине постановления о вывесках. Пора поставить работу по национализации более внимательно и серьезно, с большей ответственностью за извращения правильной линии и тем самым с более реальной по прочности результатностью.

В самом деле, можно ли назвать иначе, как позорным, такие, например, документы, перепечатаваемые из газеты «Киевский Пролетарий» № 241 от 19 октября 1926 г., сообщенные там завнацменом окрисполкома тов. Гулько: «Акт. Червня, 27 дня 1920 р. м. Київ. Я, дозорчий 2 уч., Раковського району Вайн-треб, згідно почто-телеграми за підписом начміськмїлрозшуку за ч. 2147 склавцей акт в присутности Завідуючого Іудейського дитяч. Будинку Глухонімих № 43 що міститься по вул. Троцького Будинок 43 та двох нижчепідписаних понятих — Гольд-файна Б. О., що мешкає по Софійській вул. буд. 15, кім. 11, та Алтер Над. Адольфовна, яка мешкає по вул. Троцького 43, про те, що при огляді вивіски зазначеного будинку виявлено, що вона написана на українській та єврейській мові. Завідуючому оголошено, що згідно почто-телеграми (підстава — постанова РНК від 16 липня 1926 р.), вивіска повинна бути тільки мові українській, про що складено акта». После этого последовал суд 30 августа 1926 г. («Діло № 1607 — Судовий наказ», напечатано там же): народный судья 9-го участка города Киева «на підставі 406, 407, 408 ст. УКК и 219 ст. кар. кодексу» постановил оштрафовать за это преступление на два рубля в доход Украинской республики. По стольким статьям карается на Украине судом такое преступление, как смелость на еврейском доме глухонемых иметь вывеску не на одном украинском, а также и на еврейском языке? Странно, непонятно, не верится, хотя и напечатано в «Киевском Пролетарии». За такие протоколы, циркуляры («постанова РНК від 16 липня 1926 р.) и суды надо снимать, предавать суду и исключать из партии тех, кто такие дела возбуждает, такие распоряжения делает и такие приговоры выносит. Сюда прямо относится следующее постановление XII съезда партии об извращениях национальной политики в национальных республиках: «Экономическая отсталость этих республик, малочисленность национального пролетариата, недостаточность или даже отсутствие кадров

старых партийных работников из местных людей, отсутствие серьезной марксистской литературы на родном языке, слабость партийно-воспитательной работы, наконец, наличие пережитков радикально-националистских традиций, все еще не успевших выветриться, породили среди местных коммунистов определенный уклон в сторону переоценки национальных особенностей, в сторону недооценки классовых интересов пролетариата — уклон к национализму. Это явление становится особенно опасным в республиках с несколькими национальностями, где оно принимает нередко форму уклона к шовинизму коммунистов более сильной национальности, направленного своим острием против коммунистов слабых национальностей». И в другом месте той же резолюции: «В некоторых республиках, имеющих в своем составе несколько национальностей, этот оборонительный национализм превращается нередко в национализм наступательный, в завзятый шовинизм более сильной национальности, направленный против слабых национальностей этих республик». Съезд партии объявил про эти пережитки, что «прямая борьба с ними является обязанностью членов партии». Мы ждем от коммунистических руководителей Украины поэтому не только устранения отдельных указываемых недочетов, но и введения в систему практики суровой судебной и партийной кары против подобных проявлений.

5. Язык трудовой школы

На осенней сессии ВЦИК 1926 г. поставлен был доклад Наркомпроса об осуществлении всеобщего начального обучения. Этот же вопрос обсуждался и в других союзных республиках.

В ряду встающих в связи с ним задач стоит также задача обеспечить правильное разрешение вопроса о языке обучения в трудовой школе.

Принципиально программой партии и советской конституцией вопрос давно решен: учить надо на том языке, который понятен детям, который является для них разговорным дома, ибо на нем легче учиться, скорее можно чему-либо научиться. Но принципиальные требования нашей программы и конституции не так легко сразу полностью провести в жизнь. Пережитки прошлого, невысокий уровень общей политической культуры, бедность страны, неизбежная пока надолго еще наличность в госаппарате многих чуждых нашим взглядам элементов, некоторая топорность и недостаточная разработанность при первоначальном проведении новых принципов и ряд других причин — все это приучило нас в различных областях жизни не удивляться наличности частичных извращений правильной политики. Больше того: при нынешней совокупности отношений в СССР появление таких отдельных извращений неизбежно, и надо обращать специальное внимание на их искоренение.

Особенно верно это в отношении применения того или иного языка в качестве языка школьного обучения. Наш Союз состоит из нескольких десятков национальных республик и национальных автономных областей. В каждой из них имеются крупные национальные меньшинства по отношению к преобладающей по численности национальности данной республики или области. Народ, в одной республике или области составляющий большинство населения, в другой является меньшинством. Едва

ли не единственным исключением из более крупных по численности народов являются у нас в этом отношении евреи, которые во всех республиках в меньшинстве. При таких условиях каждый сколько-нибудь численный народ в СССР — в одних республиках или областях заинтересован в прочной охране прав национальных меньшинств, а в других сам может просмотреть или допустить извращения в национальной школьной политике, поскольку недостаточен еще партийно-пролетарский контроль над машиной госуправления и поскольку как раз в области языка школы особенно сильно давление непролетарских националистических элементов. Просвещенский аппарат — это в основном аппарат интеллигентский, притом пока интеллигентский преимущественно мелкобуржуазного и среднебуржуазного происхождения. Этот слой всегда и везде являлся наиболее ревностным представителем шовинистско-националистических тенденций. Для национальной интеллигенции какого-либо народа вопрос о расширении или сужении применения ее языка — это вопрос хлеба, вопрос борьбы с конкурентами по обслуживанию тех же потребностей на другом языке.

К тому же всем нашим национальным республикам и областям прежде всего приходится заботиться о развитии местных национальных культур, подавлявшихся до революции царизмом. Естественное сосредоточение на этой задаче ослабляло внимание к возможности недообслуживания национальных меньшинств данной республики или области и даже вызывало иногда местами прямые перегибы. А необходимость обращаться для проведения в жизнь развития местной национальной культуры к местной национальной непролетарской интеллигенции, широко пропитанной националистическими настроениями и частью прямо входившей ранее в буржуазно-шовинистские организации, — еще более усиливала возможность превращения этих «перегибов» в прямые извращения.

Вот почему среди поступающих в «Правду» (и не только в «Правду») разных жалоб в связи с проведением национализации на местах, в той части жалоб, какая оправдывается проверкой, — особенно много жалоб на применение в школах языка обучения, не являющегося разговорным для детей местного населения. Ни родители, ни дети не хотят употребления непонятного или малопонятного им языка, не являющегося их обычным разговорным языком. А он порою принудительно навязывается школе по ложно понятым «национальным» соображениям, превращающимся на деле в националистическое обесправление, стоящее в кричащем противоречии с нашей программой и конституцией. То дети украинских казаков на Кубани обучаются на русском языке, то дети с русским разговорным языком принуждены учиться по-белорусски и т. д. и т. п. Понятен вред от этих извращений и для успехов ученья и политический. Из переданных мне «Правдой» материалов приведу в виде образца только отрывок из одного письма (совершенно типичный). Пишет, ввиду начала нового учебного сезона, член союза водников из очень крупного украинского города (точно указавший свой адрес и проч. и давший возможность проверки сообщенных им данных).

А пишет он так: «Моя дочь учится в трудшколе (такой-то) в окраинной части города (на такой-то улице). Состав детей этой школы по официальным данным следующий:

Русских.....	337 чел	70 проц.
Евреев.....	75 чел	15 проц.
Украинцев.....	46 чел	9 проц.
Прочих.....	29 чел.....	6 проц.

Подавляющее русское большинство—это не какой-нибудь нетрудовой элемент. Почти половина по тем же данным приходится на детей рабочих, несколько меньше — на детей служащих и только одна десятая часть русских — дети нечленов профсоюзов. И все же школа украинизируется полностью. Просьба родителей, чтобы разрешили им собраться для обсуждения ходатайства об отмене украинизации, была отклонена. Родители негодуют каждый в отдельности, а дети плачут. Что выйдет из их занятий, если преподавание будет вестись на чужом для них языке, малопонятном для 91% учащихся. В качестве аргумента (такое-то должностное лицо) заявил родителям, что они и их дети не знают украинского языка вследствие насильственной русификации их бывшим царским правительством. Но ведь мы никогда не были украинцами, и большинство из нас родилось за пределами Украины. Я, например, родился в Вологодской губернии и сюда приехал 25 лет назад. Когда у меня появились и стали подрастать дети, они росли тут же в городе среди русских. Я не купец и не помещик, а у рабочих и служащих не было столько денег, чтобы посылать своих детей на лето в украинскую деревню. Мои дети не виноваты, что не знают украинского языка. Говорят, что в нашем городе будет оставлено русских всего три школы. Что же делать нам русским? Прошу редакцию помочь нашему родительскому горю. Всякие жалобы остаются здесь без результатов, среди родителей ходят упорные слухи, благодаря влиятельному инспектору наробраза, бывшему петлюровцу».

Мы нарочно привели этот отрывок во всей неприкосновенности, — рядом с изложением сообщения о принудительной украинизации русской школы «слухи» о могуществе «инспектора наробраза» и проч., чтобы дать пример политического преломления подобных фактов. Можно добавить еще, что дело идет о городе с сотнями тысяч жителей, из которых, по украинской официальной статистике, на украинцев приходится менее десятой части. «Харьковский Пролетарий» от 17 октября 1926 года о всей Украине в целом сообщает: «По данным Наркомпроса школы соцвоса уже украинизировались на 87,8%». Значит, для всех неукраинцев осталось 12,2%. Между тем неукраинского населения на Украине, по официальным данным, почти вдвое больший процент. Значит, украинизация школ проводилась так усиленно, что половина неукраинского населения уже лишена школ на родном языке. Такое свехусердие явно неправильно.

Чтобы обеспечить во всех республиках устранение всяких извращений в области языка трудовой школы и в отношении к школьному обслуживанию нацменьшинств вообще, — необходимо повсюду провести ряд определенных практических мероприятий. Несколько времени назад особая комиссия в составе т.т. М. И. Калинина, Ю. Ларина, Бройдо и Диманштейна наметила с этой целью следующие меры:

«1. Язык обучения детей в школах устанавливается безотносительно к их исповеданию и (национальному) происхождению — на основе того, каким языком дети пользуются в семье.

2. По заявлению родителей должны быть организуемы или преобразуемы в отношении языка отдельные школы или отдельные классы националь-

ных меньшинств во всех случаях, когда количество детей для обучения на данном языке составляет не менее 25 человек.

3. В городах (и прочих поселениях) с разноязычным населением количество школ на разных языках должно устанавливаться по числу разноязычных детей школьного возраста данного города (или поселения), определяемому согласно заявлению их родителей об употребляемом в домашней жизни языке.

4. Должно быть совершенно уравнено материальное снабжение, бюджетные ассигновки, обеспечение помещениями, должным количеством педагогического персонала и школьных пособий и организационное обслуживание (напр., созданием пионерских отрядов) всех школ с разными языками преподавания, находящихся в одном городе или в одном местечке или в одном селении».

Проведение таких мероприятий во всех союзных республиках и применение на практике уголовных кар за их нарушение, вместе с привлечением внимания пролетарской общественности к этой стороне дела, составит значительный шаг к устранению возможных извращений в школьной политике и поможет безболезненному изживанию трений и осложнений в национальных отношениях между всеми населяющими СССР народами. Элементарная правильность этих мер не вызывает сомнения с точки зрения нашей программы и конституции. Октябрьская сессия ВЦИК РСФСР в своем постановлении о всеобщем обучении оговорила специально вопрос о языке в духе изложенного постановления указанной комиссии, согласно одобренному президиумом предложению ее членов.

6. Национализация и административное районирование

Последние полтора-два года почти на каждой сессии ЦИК и Съезде Советов вновь обсуждается вопрос о достаточности практического обеспечения проведения в жизнь тех национальных прав, какие предоставлены национальным меньшинствам основными законами Союза Советских Республик. Последний (третий) Съезд Советов СССР в 1925 году прямо постановил обязать все союзные республики усилить меры по обеспечению прав национальных меньшинств, как образование национальных советов и др. В следующем 1926 г. сессия ЦИК СССР по общему докладу украинского правительства специально поручила Украине усилить охрану прав и обслуживание национальных меньшинств на Украине. В обоих случаях этим постановлениям предшествовало очень оживленное обсуждение, наглядно показавшее достаточную важность вопроса.

Кое-что осуществлено за эти годы и на деле. Например, переданы Украине от РСФСР населенные украинцами части Курской и Воронежской губерний, а к РСФСР перешел великорусский Таганрогский округ; начала организация украинских школ на Кубани; Белоруссии передан Гомель с уездами; учреждено на Украине в деревнях несколько сот польских, немецких, русских, еврейских и других неукраинских сельсоветов и т. д. и т. п. Но главная часть работы еще впереди, и подвигается она крайне медленно, особенно в городах Украины. Достаточно указать, например, такие центры, как Одесса, Днепропетровск (Екатеринослав) или Киев. По официальной

украинской статистике, в Одессе всего 2,9 процента украинцев, в Днепропетровске 4,7 проц. и в Киеве 13 проц. Для девяти десятых населения Одессы и Днепропетровска разговорным языком являются русский и еврейский (по таблицам, изданным в 1925 г. Укрнаркомвнуделом под ред. зам. наркома т. Черлунчакевича). Если взять Киев, то там, например, есть часть города, называемая «Подол», территориально отделенная от остального города и по числу жителей превышающая многие губернские города. Населен Подол почти исключительно евреями, причем разговорным языком у подольских евреев служит обычно еврейский. Ясно, что на Подоле должен существовать районный совет еврейский, в некоторых других частях Киева районные советы русские и т. д., а общегородской совет должен применять и русский, и еврейский, и украинский языки. Было бы совершенно дико изъять из городских учреждений Киева русский и еврейский языки и применять исключительно украинский, раз в городе говорит по-украински лишь сравнительно небольшая часть жителей. Поступать так, значило бы в отношении языка оторвать советы от населения. Вышло бы не так, что избираемые населением советы обслуживают население на понятном ему языке, а наоборот — что население должно переучиться и приспособиться к употребляющему неизвестный ему язык совету. Это означало бы полное извращение «советской демократии» и явно противоречащее общепартийной директиве «бюрократическое командование».

В подобном же положении Одесса, в которой должны быть районные советы с русским или еврейским языком и общегородской совет с тем и другим. В таком же положении Днепропетровск и ряд других городов. Между тем проведения такой практики в городах в сколько-нибудь надлежащем размере не видно.

Само собой разумеется, что находящиеся в этих городах окружные учреждения, обслуживающие округ, населенный говорящими по-украински крестьянами, должны работать на украинском языке. Поскольку в их округ входят также районные единицы, работающие на другом языке в виду особого состава своего населения, — окружное учреждение должно иметь переводчиков для возможности связи с ними. Ведь на Украине в разных округах существуют уже в сельских местностях районные советы неукраинских национальностей: то польский, то русский, то еврейский, то немецкий и т. д. Раз за населением этих районов признано право иметь районный совет на своем языке, то окружное учреждение должно озаботиться возможностью быть для этого районного совета понятным. А равно для городских советов тех городов данного округа, языком которых является не украинский, а какой-либо другой.

В свою очередь, городской совет должен быть обязан обслуживать на их языке возможно большее количество жителей города. Какая-то минимальная граница тут неизбежна. Если в Одессу приедет один японец, то нельзя обязать Одесский совет перевести на японский язык делопроизводство своих судов, милиции, всех отделов и городских учреждений. Но если в городе из каждой сотни жителей хотя бы десяток говорит на одном каком-либо языке (напр., на украинском в таком городе Украины, где подавляющее большинство населения не говорит по-украински и где совет поэтому не должен быть украинизирован) — там должна быть обеспечена возможность употребления в местных советских органах и соответственного языка. Не-

допустимы имеющие иногда место случаи запрещения служащим в целях «национализации аппарата» обслуживать население устно и письменно на том языке, на каком население к ним обращается и какой они знают.

Никоим образом не следует думать, что недочеты в нашей национально-административной географии существуют только на Украине.

Пример Украины мы берем только потому, что там все эти несообразности ярче бросаются в глаза благодаря большой пестроте населения¹, благодаря развитой городской жизни, благодаря сравнительной культурности жителей и т. д. Отчасти благодаря большому нажиму со стороны мелкобуржуазной интеллигенции в сторону принудительной украинизации неукраинского населения, чем в других национальных республиках, где национальная мелкобуржуазная интеллигенция гораздо малочисленнее, чем на Украине. Недостаточный отпор этому нажиму на Украине со стороны нашей партийной организации должен быть изжит.

Сама недостаточность эта имеет достаточно объяснений в истории советского строительства на Украине. Как непрерывное и не в обстановке войны и борьбы с бандитизмом, оно началось на ряд лет позже, чем в центральной Великоруссии. В состав нашей украинской организации всего несколько лет назад влилось много членов других партий (напр., боротьбистов), среди которых объективно понятна большая трудность в первые же годы полного изживания до конца всех настроений, ранее отделявших их от большевиков и т. д. Но теперь пора уже от исторических объяснений перейти к изменению практики. Перейти по-честному, по-большевистскому, без увиливания и выкручивания, без бюрократической отговорки, без ложного понимания «престижа». Как раз Украина, как самая передовая и большая из национальных советских республик, должна послужить всем им в этом отношении примером. В тех частях РСФСР, какие не входят в автономные республики или национальные области, но отличаются пестротой национального состава, — роль нажима молодой поднимающейся национальной мелкобуржуазной интеллигенции играет шовинистическая традиция старого великорусского чиновничества. Потому определенные гарантии в области национально-административной географии должны быть проведены для всего СССР, а не только для национальных республик и областей.

Несколько времени назад упоминавшаяся уже мною комиссия в составе т.т. М. И. Калинина, Ю. Ларина, Бройдо и Диманштейна разработала на основании имеющихся материалов следующие меры в этой области:

«1. В имеющих отдельные советы городах и прочих поселениях, преобладающая часть населения которых говорит на другом языке, чем большинство населения данной республики, — должен в качестве языка делопроизводства советов и их органов употребляться язык большинства населения данного города, местечка или иного поселения.

¹ По упомянутому изданию УкрНКВД из 91 города Украины только 40 городов (преимущественно мелкие) имеют украинское большинство (см. «Нац. состав сов. Укр.» стр. 119—121). К городам с подавляющим преобладанием русских и евреев относятся Киев, Харьков, Одесса, Днепропетровск, Николаев, Луганск, Мариуполь, Бердянск, Сталин (Юзово), Житомир, Мелитополь, Умань, Зинovieвск (Елисаветград), Кременчуг, Бердичев, Чернигов и многие другие, украинизация городских советов в которых была бы поэтому совершенно неуместна.

2. Предоставить национальным меньшинствам селений, местечек и городов фактическую возможность выделиться в самостоятельные, территориально обособленные советы с правом пользоваться родным языком преобладающей части выделяющихся в делопроизводстве вновь образуемых советов и их учреждений.

3. В местах с разноязычным населением должен быть обеспечен разноязычный состав местных советов с употреблением соответственных языков в их делопроизводстве и учреждениях.

4. Во всех городах (и иных поселениях), где какое-либо национальное меньшинство составляет не менее одной десятой населения, должна быть обеспечена возможность дачи советскими учреждениями письменных и устных ответов на том языке, на каком поступило к ним обращение (то же относится и к судопроизводству, составлению милицейских протоколов, к финорганам и проч.).

5. Признать уголовно наказуемым воспреещение обращаться в советские учреждения на языке нацменьшинств (ст. 4), а равно воспреещение служащим советских органов давать устные и письменные ответы на языке нацменьшинств (ст. 4)».

Наблюдаемые у нас иногда извращения национальной политики — это проявление буржуазного давления на пролетариат. Это оппозиция по отношению к общепартийной линии. С нею надо покончить не менее решительно, чем со всякою оппозицией, выражающей в каких-либо формах буржуазное давление на пролетариат. ◆